

Эту вещь — роман, не роман — я не мог не начать писать, ибо ничего не надо было придумывать. В полной мере я испытал на себе и что такое любовь, и что такое слава, и что такое бессилие, и что такое безысходность. А каково было находиться на волоске от смерти? Однако и само время оказалось настолько насыщенно невероятными событиями, что пройдя через их горнило, я не мог остаться простым созерцателем. Желание осмыслить и даже переосмыслить и свою жизнь, и вообще человеческую и подвигло меня взяться за компьютерное перо. Предлагаю вниманию читателя начало своей «Оцифровки времени», над которой продолжаю работать, и которая даётся мне с большим трудом.

Солнечные лучи, пробиваясь через густую крону клёна, озаряли стоявший на подоконнике экзотический цветок, который мне предстояло поливать раз в два дня. Вчера, проводив семью на море, остался на хозяйстве один. Это радовало — никто не одёрнет. Мог ещё поспать, мог почитать детектив, а мог посмотреть в интернете фильм, до которого не доходили руки.

Потянувшись, повёл взглядом по золотистым обоям с тeneвым рисунком от оконной рамы. Что же выбрать? Увы, из всего перечисленного — ничего. Не могу попусту тратить время.

Вскочив с дивана, забросил постель в шкаф и стал делать зарядку. Растягивал эспандер, подтягивался на турнике, катался спиной по жёстким шипам резинового коврика. Коврик был спасением, ибо массу времени приходилось проводить за компьютером.

Приняв душ и позавтракав, уселся в кресло перед монитором. Ещё раз подумал — семья уехала, никто не отвлечёт от работы. Но...

Беззаботный июль каждый год оказывался адом. Ты проваливаешься в себя, не хочешь, а проваливаешься. И в самой глубине тебя жжёт, терзает, рвёт на части всё тот же вопрос: кто ты есть в этой странной материи, из которой был соткан и обрёл способность мыслить? Мыслить о том, что имеются тебе подобные, что с ними надо как-то сосуществовать, что они зачем-то себя воспроизводят.

Размышлял об этом ещё школьником. И не только размышлял, но и записывал. Первый дневник появился в тринадцать лет. Начинался он с описания пионерского костра, треск которого накладывался на ритмичные звуки баяна и убаюкивающее шуршание морских волн. Я не пел со всеми, а вглядывался в усыпанное звёздами

небо, и мне казалось, что родина моя где-то там, в глубинах вселенной, а на землю я попал по чьей-то злой воле, лишённый памяти о своих истоках. Как теснила меня моя оболочка, а вот сознание, казалось, прорвало сразу во всех временах — прошлых и будущих. Ощущая в себе этот парадокс, постоянно задавался вопросом: как использовать свою жизнь, в которую сам не просился? В школьном сочинении на тему «Какая у тебя мечта» одноклассники писали, что хотят стать достойными строителями светлого будущего. Я был конкретен, написав, что мечтаю снять фильм о своём мироощущении. Мысль эта родилась в ту звёздную ночь у костра, и я даже запел на радостях, влившись в общий хор и подхватив крылатую строчку: «Клич пионеров — всегда будь готов!».

С тех пор много воды утекло, фильм снял, но легче не стало. Люди действуют так, словно сами себя создали: знают, куда идти, что делать и каким быть будущему.

Любой замысел ничтожен. Чтобы описать человечество достаточно двух слов, и слова эти давно известны — суета сует. Двумя словами характеризуется и человек: «моё» и «хочу». Горы сотворённого за тысячелетия лишь толкуют эти слова, а их вершины способны разве что пощекотать нервы.

Включил компьютер. Тянуло заглянуть в интернет, но я знал, что ворвись в меня посторонний мир, тут же разрушится собственный. Разрушителем мог послужить и неожиданный телефонный звонок, и стук дрели за стеной, и простой вопрос жены. Но хуже всего, когда отталкивала от стола трудность самой работы, и тогда, чтобы не страдать из-за собственного бессилия, я вставал и начинал заниматься хозяйством, однако осознание теряемого времени вызывало боль, которая ставила вопрос ребром — или ты будешь работать, или вообще забросишь всё к чёрту. Хотел бы забросить, но тот же внутренний чёртик предрекал ещё больший ад, откажись я от самого себя по собственной воле. В вынужденных простоях меня действительно жёг этот пламень, а вот спокойствие наступало лишь при удаче, но длилось недолго, чёртик всегда находился невдалеке и грозно размахивал непогашенной головешкой.

Нахлынувшие после сегодняшнего сна мысли не давали приступить к работе. И ведь сколько лет пытаюсь избавиться от этой неразрешимой головоломки про вечные вопросы бытия, но она, словно назойливая мелодия, вновь и вновь изматывает меня. О своей неуспокоенности писал в письмах приятелям, но их мало интересуют подобные темы, а старинный друг так вообще обвинил меня в кокетстве, ибо не понимал, как могут юношеские вопросы занимать взрослого человека. Лично его земная жизнь устраивает. И мою жену — тоже. Радует солнышку, детям, внукам, кормит птичек, кроша на подоконник хлеб, и верит, что голуби приносят весточки с того света. И я хотел бы верить, но как? Волшебную палочку и царство небесное ставил в один ряд, хотя ничего и не отрицал, считая, что пока не откроется тайна мира, любая фантазия имеет право на существование. Сам фантазировал с детства, более того, свои фантазмагории снимал — сначала на плёнку, потом на кассеты, наконец, на цифровые носители. Не расставался с камерой ни на день, и если поразмыслить, то накопившийся материал вмещал в себя целую эпоху. Монтировал из него семейные ролики, однако целиком на свет не вытаскивал: не находил для столь длинной эпопеи удобоваримой формы. Но вчера вдруг засосало под ложечкой: кассеты стареют, надо их продублировать. Чтоб не передумать, тут же перенёс коробки из кладовой в комнату. Выстроился целый штабель.

Оглядев его сейчас, раскрыл истрёпанную тетрадь, купленную ещё в прошлом веке, и побежал глазами по записям. Первые кассеты хранили материал, переведённый на видео с киноплёнки. С них и решил начать оцифровку.

Согласовав магнитофон с компьютером, щёлкнул мышкой по ярлыку монтажной программы и, не став ждать, пока она загрузится, открыл папку с музыкой и подвёл стрелку к песне «Июльское утро» группы «Юрай хип».

Впервые услышал в юности эту вещь, ставшую для меня с тех пор не просто лучшей композицией, а некоей магической вибрацией, к которой я обращался в исключительных случаях. Такой случай сегодня и был — ожидала не просто работа, предстояло погружение в запечатлённую память.

С первых же аккордов ощутил мистический трепет, что случалось со мной каждый раз, и каждый раз моё воображение уносило меня к морю, где я, замороженный восходящим солнцем, ежесекундно менявшим краски воды и неба, чувствовал себя альбатросом, то машущим от восторга крыльями, то медленно планирующим от налетавшей внезапно тоски.

Вступил солист, и переливы его голоса, имевшие умопомрачительную амплитуду, прижали меня к волнам, но когда голос взлетел до невероятной высоты, я вновь вознёсся в небо и долго парил там, любуясь открывшимся простором, и лишь с окончанием голосовой партии опустился вниз и кружил в беспамятстве до последнего звука этой, казавшейся бесконечной, коды.

Не заметил, как на стол накапали слёзы. Смахнув лужицу ладонью, растёр мокрое место рукавом.

Слёзы выступали каждый раз, ибо «Июльское утро» навсегда связалось у меня с событиями как романтическими, так и трагическими.

Отслужив в армии, я поступил в радиотехнический вуз и летом после сессии поехал работать вожатым в пионерлагерь, находившийся на берегу Азовского моря. В то время вода была чистойшей, на дне виднелась каждая ракушка, и дети, купаясь, легко ловили руками барахтавшихся в песке бычков. Но вот в штормившем море нелегко было что-то разглядеть. Когда Игорь, так звали одного из вожатых, нырнул в высокую волну после быстрого танца чертей для готовящегося праздника Нептуна, никто и бровью не повёл. Всполошились дети — главный чёрт долго не всплывает. Лишь тогда, осознав случившееся, физрук, плаврук и я побежали к морю. Поиски ничего не дали, и мы, обессиленные, повалились на песок. Продолжала нырять вожатая, вывести её из воды не удалось, она рыдала и билась в истерике — у них с Игорем была любовь. Нашли тело вызванные спасатели, нашли не сразу, тело отнесло в сторону подводным течением, позже врачи установили причину смерти — сердечный приступ.

В тот же вечер я сидел с детьми на отрядной веранде, а из стоявшего перед нами магнитофона тихо лилось «Июльское утро». После трагедии, отвечая на детские вопросы своих подопечных, всколыхнул собственные: способен ли я жертвовать собой во имя чего-то или ради кого-то; дано ли мне чувство любви во всей его полноте; есть ли у меня, наконец, призвание к режиссуре — после окончания школы пытался поступить в кинематографический вуз, но попытка оказалась неудачной. Однако, вопреки сомнениям, продолжал запечатлевать пусть пока и узкоплёночной кинокамерой будоражившие меня кадры: буйство красок на небе, россыпи бликов на море, фейерверки эмоций на лицах. Снимал институтский улей, пирушки друзей, стройные ножки на танцах и опять — лагерь, куда приезжал теперь каждое лето.

Неожиданно в глазке камеры увидел ступавшую по песку нимфу и одновременно почувствовал исходивший от неё магнетизм. Качнувшись вперёд, вдруг услышал внутри себя магическое звучание: «There I was on a July morning looking for love...», по-русски: «Июльским утром я искал любовь...».

Первый раз я влюбился в детском саду. Девочка ответила взаимностью, и мы даже объявили о свадьбе. Потом влюблялся в школе, в армии, в институте. Последняя влюблённость случилась в этом же лагере за год до встречи с нимфой. Попривалилась молоденькая вожатая, называвшая себя Жар-птицей. Каждую ночь мы парили под звёздами, и нам казалось, что так будет всегда. Отрезвление пришло по окончании смены — ко мне. Объяснив Жар-птице, что семья затруднит мой путь к цели, которая и так не близка, предложил ей отнестись ко всему, что было, как к развлечению. Ответом послужила пощёчина, а через много лет я обнаружил в почтовом ящике красочный конверт, из которого достал два розовых листочка. Писала Жар-птица, писала в романтическом стиле. Она так и не смогла вырвать меня из своего сердца и поэтому, даже имея мужа и детей, была несчастлива. Извинившись за пощёчину, порадовалась, что семья не помешала мне достичь цели. В заключение пожелала здоровья своей школьной подруге, чему я не удивился, ибо видел в альбоме жены их совместную фотографию. Пока шло письмо, болевшая раком Жар-птица умерла.

Захотев немедленно перенестись в то июльское утро, когда в кадре неожиданно появилась нимфа, оказавшаяся одной из приехавших на новую смену вожатых, начал оцифровку именно с этой кассеты.

Окрестил незнакомку нимфой из-за длинных волос, хотя обладательницу такой гипнотической энергии мог бы назвать и Саломеей, и Таис Афинской, и Клеопатрой, а когда она, никак не отреагировав на кинокамеру, продолжила мягко ступать по песку, увидел в ней ещё и гаремную танцовщицу. Да она и была танцовщицей, танцовщицей прирождённой, хотя и не обошла хореографическое училище стороной, и я, потеряв голову, стал снимать её от зари до зари, танцевавшую без усталости: то в платьях бальных, то в одеяниях восточных, а то прикрытую одними лишь волосами.

Следующая кассета начиналась с видов осенней рощи, а следом шли кадры, где я и уехавшая со мной танцовщица разыгрывали влюблённых: бежали навстречу друг другу, обнимались, кружились, падали, катились по траве, целовались, и в финале я нёс свою избранницу на руках. Эту сценку мы повторяли снова и снова с целью накопления планов для монтажа.

Запечатлеть нас на память я попросил своего институтского друга Мишеля, с которым мы снимали игровые короткометражки для студенческих смотров художественной самодеятельности, но, увы, проявленная плёнка оказалась в крапинках, отчего я расстроился и вернулся к ней только в следующем веке, чтобы перевести на видео, а всерьёз занялся материалом лишь при появлении компьютерного монтажа. Крапинки теперь воспринимались не как брак, а как ретро-эффект, и в результате получилась истинно хроникальная зарисовка, которая, к моему удивлению, не оставляла равнодушным ни одного человека, а знавших нас близко поражала ещё и наличием в семейном архиве таких редкостных кадров из нашей молодости.

В то время я брал свою танцовщицу за руку, и она никогда не спрашивала, куда мы идём, почему остановились, почему не дошли. Ни разу не слышал от неё слова «нет», ни разу — «не хочу», зато постоянно слышал смех. Лёгкая, летящая, она радовалась каждому мгновению и, прожив его, тут же выбрасывала из головы. Никак не мог найти имя под её образ. Паспортное не подходило, а подобные «саломеям» и «клеопатрам» крали у неё индивидуальность. Поиски не прекращал, и неожиданно пришёл на помощь фильм «Золото Маккены», в котором я был начисто сражён неистойвой индианкой по имени Хешке. Смотрел его со своей танцовщицей, и после окончания сеанса, когда мы вышли из кинотеатра и ещё не успели сказать ни слова,

у меня вдруг вырвалось: «Ты вылитая Хешке». Она пожала плечами: «Может быть». Внезапно понял, имя — найдено. Схватил её за руку. «Ты — Хешке, понимаешь?! Теперь ты моя Хешке!». В ответ услышал: «Понимаю, теперь я твоя Хешке».

Она так и останется с несклоняемым именем Хешке, с ним родит девочку, потом — мальчика, даже внуки будут называть её — баба Хешке; она станет Хешке и для моих друзей, которые не спросят, откуда взялось это имя, ибо все посмотрели «Золото Маккены» и все запомнили индианку, в большей степени — у озера, где она, нагая, страстно целовала главного героя.

Недавно решил поинтересоваться судьбой актрисы, исполнившей эту роль, но увидев в Википедии фото восьмидесятилетней Джули Ньюмар, невольно вернулся к мысли о безжалостном убийце — времени. Представшее передо мной морщинистое лицо несколько не походило на то, молодое в обрамлении чёрных волос, перехваченных красной ленточкой. Я вдруг подумал, что тема времени-убийцы будет полезна моим студентам, и на очередной лекции предложил им внимательно посмотреть на свою руку и увидеть её через сто лет, съеденную червями. Выждав пару секунд, сказал, что если вы, разглядев свою костлявую фалангу, содрогнулись, то именно к этому призывал древний мудрец — помнить о смерти. Не давая студентам расслабиться, попросил их продолжать смотреть на руку, но теперь взором инопланетян шаровидной формы. Какой же отвратительной могла бы показаться таким пришельцам человеческая кисть с ужасающими пальцами-щупальцами, однако чуть позже, пережив шок, эти космические шарики могли бы и рассмеяться, обнаружив на уродливых отростках ещё и раскрашенные во все цвета радуги накладные ногти. Не ожидал, что девушки окажутся на грани нервного срыва.

Нет, я не потешался над бедными студентами, им как будущим документалистам вменялось в обязанность смотреть на всякую вещь незамутнённым взглядом.

Подобным даром обладала Хешке. Каждый раз она созерцала как нечто невиданное простейшие явления: выплывавшее из-за горизонта солнце, катавшуюся в волне ракушку, взлетающую с ладони божью коровку, удивлялась, радовалась или, наоборот, огорчалась, если горизонт, к примеру, был затянут тучами. Этот дар включал в себя и обратный взгляд — нежелание видеть нарушенной привычную гармонию. Ей колол глаза белевший на клумбе окуроч, её нервировало косо висевшее полотенце, она не успокаивалась, пока не находила нужное положение для цветка на подоконнике, вертя горшок и так и сяк, и, боже упаси, чтобы без неё украшали новогоднюю ёлку, а уже в компьютерный век не поднималась с кресла, начнись хоть пожар, пока на экране монитора не заканчивался салют от сложившегося паянса. Она и сама была как салют, ибо всегда несла с собой праздник. Её природная энергия позволяла ей выдерживать любую нагрузку, а чувства не желали ведать моральных преград, походя на морские волны, бесстрашно катившиеся к берегу, хотя и понимавшие, что могут вдребезги разбиться об утёс. Запретный круг очерчивался только её собственными ощущениями. Всегда открытая и абсолютно бесхитростная, она не допускала и мысли получить выгоду за чей-то счёт, чуралась любых интриг, искренне сопереживала убогим и не убогим и, не задумываясь, оказывала им помощь. Сама же при всей своей энергии не имела защитного экрана и легко могла быть поражена, однако и с нанесённой раной оставалась беззлобной и переживала боль вдали от посторонних глаз. Даже от меня. Но как ни пряталась она за свою улыбку, я всегда чувствовал её состояние, ибо ещё в лагере поразился почти полному совпадению наших сущностей. Мы одинаково смотрели на мир, на семью, на воспитание детей; оба ревностно относились к работе, получали удовольствие от

книг, не представляли себя без искусства, уважали чужую свободу и были предельно тактичны по отношению друг к другу. В одном не сходились — в ревности. Не раз получал удар локтем в живот за непроизвольно брошенный взгляд на девичьи ножки. Вечером она удивлялась — откуда синяк? А утром, июльским утром через много лет Хешке произнесёт голосом, полным тоски: «Я бы умерла самой счастливой женщиной на свете, не будь между нами Алёны».

С трудом выдержал тогда её взгляд, и теперь, вспоминая его, каждый раз хватаюсь за голову, желая повернуть время вспять и вырезать из жизни этот кусок кошмара. А начало ему положила найденная моей женой видеокассета. Нет, светопредставление началось раньше, когда невероятным образом мне удалось снять задуманный ещё у пионерского костра фильм и тем самым осуществить свою, казалось бы, фантастическую мечту. Однако вместо того, чтобы кричать: «Ай, да сукин сын!», «я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины». Не Пушкин, а именно Данте выразил моё душевное состояние, грустные нотки которого впервые прозвучали после столичной премьеры моего фильма накануне раздела так называемой шестой части суши.

Не верил своим ушам, слушая выступавших на пресс-конференции известных кинокритиков. Меня ставили в один ряд с выдающимися режиссёрами, говорили, что картина станет событием в кинематографе, не уставали перечислять её достоинства. О ней писала пресса, делались передачи на телевидении, в кинотеатрах страны проводились специальные показы, в том числе в моей кинематографической альма-матер, где страсти в завязавшейся после окончания просмотра дискуссии просто кипели. Бурное обсуждение фильма проходило позже и в американских университетах. Неоднозначно воспринимались как сюрреалистическая форма ленты с её гротесковым монтажом, так и многослойное содержание, простиравшееся по выражению кинокритиков — от микрокосма до макрокосма.

И это был не осознанный сон, это была реальность.

Посыпались приглашения. Позвал в гости даже скандальный британский кинорежиссёр, увидевший мою картину на одном из московских показов. Но я лишь улыбнулся, ибо режиссёр и представить себе не мог, какие мытарства ожидают советского человека, желающего посетить капиталистическую страну. И вообще, после безумного кинематографического марафона у меня в принципе не осталось желаний, разве что желание отоспаться. Не дали.

Оператор моего фильма, Сергей, подвёл ко мне импозантную женщину и представил её как директора не одного десятка художественных фильмов, снятых на Одесской киностудии. Звали женщину Феодосия, что в переводе с греческого означало «богом данная», и эта «богом данная» безо всяких предисловий сказала, что у неё есть деньги для съёмки народной комедии на алкогольную тему, сценаристом и режиссёром которой она хотела бы видеть только меня. Не мог не усмехнуться, сообразив, что инициатором здесь выступил Сергей, читавший мою комедию, которую я не родил бы и в страшном сне, не произошёл в стране винно-водочный апокалипсис.

Сюжет анекдотически-мистический. Каждое утро закоренелый пьяница, работающий токарем, обнаруживает в своём станке бутылку водки. Каким образом она там оказывается, не может понять никто. Внезапно токарь сталкивается с незнакомцем, который заявляет, что бутылка попадает в станок из подземного мира и является наградой за умение рабочего человека напиваться до чёртиков. Эти же чёртики поручили ему как старшему исполнять любые желания героя. В действительности же, незнакомец и его законспирированные помощники служат власть предержащим.

от которых получили задание сделать из пропойцы телевизионного любимца народа с целью выдвигения этой заводной игрушки в руководители страны.

На предложение Феодосии снимать фильм по своей собственной вещи я ответил честно, что мне как режиссёру комедийный жанр чужд, поэтому переносить сценарий на экран не возьмусь, да и устал я смертельно.

Выслушав мою тираду, «богом данная» заявила, что все жанры хороши, кроме неоплаченного, и назвала размер причитающегося мне гонорара. От услышанной суммы я впал в ступор. В образовавшейся паузе Сергей, перехватив у Феодосии эстафету, бодро сказал, что организация съёмок будет на высшем уровне, напрягаться никому не придётся и, щёлкнув пальцами, добавил, что мне предоставляется возможность пригласить в картину любых отечественных звёзд.

Выбитый из седла кавалерийским наскоком одесситов, я промямлил что-то нечленораздельное, и это «нечленораздельное» посчитали моим согласием. Но оказалось, что ещё до него Феодосия договорилась с театрами о читке моей комедии, ибо Сергей передал ей нашу беседу, в которой я совершенно абстрактно называл имена актёров, подходивших для ключевых ролей, и уже на следующий день именно они, прослушав текст и вдоволь насмеявшись, дали согласие сниматься. Устроил их и гонорар.

Начавшаяся работа, за которую я как автор нёс полную ответственность, исключала мою робость перед народными артистами. Видел перед собой лишь исполнителей, обязанных точно выполнять поставленную перед ними задачу, но в то же время получивших от меня возможность для импровизации. В ответ ловил уважительные взгляды, что придавало моим действиям уверенность, а после последнего режиссёрского «Снято!» я даже прослезился от их благодарственных аплодисментов.

Аплодисменты заслужила и вся группа, ведь когда приехавшие в Одессу актёры ознакомились с графиком работы, предполагавшим закончить съёмочный период за одиннадцать дней, они дружно посмеялись. Сколько метров плёнки расходуется в смену на том же «Мосфильме» народные артисты знали не понаслышке, а этот фильм содержал в себе не только множество разноплановых объектов, но и сложные массовые сцены с погонями и каскадёрскими трюками. Услышав скептический смех, Феодосия развернула собравшихся на пляж кинозвёзд и твёрдо сказала, что никакая это не фантазия, а точный расчёт, спрос с каждого будет строгий, и если за время работы кто-нибудь из них окажется подшофе, то лишится не только премии, но и части гонорара. Резко вытянувшиеся лица не могли не подействовать на безапелляционный тон уже не просто администратора, не смевшего даже пикнуть на актёров, а человека-диктатора, называемого теперь непривычным для отечественного уха голливудским словечком «продюсер», и Феодосия, постучав по деревянной столешнице и примирительно улыбнувшись, добавила, что после окончания съёмок мучительное для кинематографических сибаритов долготерпение будет вознаграждено двухдневным застольем в открытом море на борту специально арендованного для этой цели океанского лайнера.

Так и произошло. Глядя на знаменитых актёров, я до сих пор не мог поверить, что работал с ними в качестве режиссёра, да ещё принимал от каждого похвалу. Неожиданным оказалось для меня и то, что во время съёмок передавалась из уст в уста легенда, в которой герой, то есть я, своей московской картиной, напичканной всякими постмодернистскими штучками, не только разметал рамки социалистического реализма, но и надругался над всеми законами марксистско-ленинской эстетики, надругался ни где-нибудь, а в цитадели советского кинематографа — Центральном Доме кино, и теперь до моего уха не раз долетал шепоток — «молодой

гений», а Феодосия, лично слышавшая хвалебные речи столичных кинокритиков, отреагировала на эти дифирамбы конкретным делом, начиная с обстановки режиссёрского кабинета, где рядом с письменным прибором в стиле какого-то там Людовика стоял редчайший для того времени персональный компьютер, и кончая представленными мне для проживания апартаментами, в которых мой сын дошкольник, лишь переступив порог, понёсся по коврам; жена, наоборот, пошла медленно, как по музео; а шестнадцатилетняя дочь, шагнув к величественному креслу, опустилась в него принцессой.

Привезти семью предложила та же Феодосия, а чтобы я не отвлекался, побеспокоилась о санатории, именно побеспокоилась, так как предназначался он только для членов ЦК. Была в моём распоряжении и машина с водителем, и ломился холодильник от продуктов с Привоза, и поили меня истинно индийским чаем, но...

По приезду в Одессу Феодосия заговорщицки сообщила мне, что сценарий в том виде, в каком он есть, не пойдёт, и попросила убрать из него власть предержавших, а метаморфозы, происходящие с героем, посоветовала выдать за его сон, в котором чудеса творит не политтехнолог со своей командой, а наделённая колдовскими способностями подружка пьяницы.

Потрясённый беспардонным вторжением непрошенной советчицы на чужую территорию, я не нашёл ничего лучшего, как пуститься в полемику, и стал доказывать Феодосии, что вместе с водой будет выплеснут и ребёнок. В ответ услышал, что ребёнок здесь как раз лишний. Не найдя убедительных аргументов, я в сердцах бросил, что фильм в таком случае окажется интересным только умственно отсталым. И на этот пассаж у истинной одесситки нашёлся козырь, мол, по её секретным данным, умственно отсталых значительно больше, чем я себе представляю. Внезапно повысив голос, Феодосия заявила, что переписанный сценарий должен лежать у неё на столе не позже завтрашнего вечера.

Так со мной ещё не разговаривали. Не собираясь ничего менять, решил тут же распрощаться, но опытная директриса, предвидя моё негодование, быстро добавила, что для режиссёра, снявшего гениальную картину, не будет катастрофой сделать простой лёгкий фильм. Поразительно, но этот дешёвенький крючок, наверняка заготовленный заранее, привёл меня в замешательство, ибо Феодосия, нисколько того не подозревая, зацепила им совсем другой нерв. Не раз и не два я говорил жене, что стоит мне перенести на экран свою выношенную вещь, как после неё начнётся просто работа. Для женщины это значило, что муж, наконец, перестанет витать в облаках и, опустившись на землю, повернётся лицом к семье. Не знаю, повернулся ли, но когда семья оказалась в Одессе, дочь шепнула мне: «Какая мама счастливая».

Феодосия выжидающе молчала, а я вдруг представил руки Хешке, складывающие в сумку нераспечатанные денежные пачки — мой аванс, и увидел, как она боится поднять глаза, чтобы не встретиться с моими. А ещё я увидел, как мы летим на самолёте, летим домой, но совсем не с тем чувством, с которым летели пятнадцать лет назад в центр страны, где возводился самый большой в мире автозавод. Мне ничего не останется, как вернуться в цех, а получив зарплату и впридачу к ней целую простынь продуктовых талонов, я отправлюсь к пустым магазинным прилавкам в надежде отоварить эти блеклые квадратики. Нет, счастье не отвернётся от Хешке, просто она будет растягивать его, как растягивают дети жевательную резинку.

Не сказав Феодосии ни слова, направился к двери, а через час ко мне примчался Сергей и, к своей радости, застал меня за работой.

Я сдался, но успокоиться не мог. После начавшихся съёмок, возвращаясь в свои апартаменты, падал на кровать и, зарывшись лицом в подушку, мучительно клял

себя за позорное отступление — ведь я сам не оставлял камня на камне от таких вот пустышек и удивлялся, почему режиссёр до сих пор жив.

Решил не указывать своего авторства, но облегчения не почувствовал, и лишь на стадии монтажа, когда появилась возможность ежедневно встречаться с семьёй, самоёство пошло на убыль. Забирал детей и Хешке из санатория, и мы, гуляя по городу, заходили в кафе, посещали музеи, фотографировались. Не обошли стороной и знаменитый оперный театр. А в один из вечеров сын, играя шишкой, внезапно размахнулся и кинул её под ноги идущему навстречу темнокожему мужчине. Тот от неожиданности метнулся в сторону. Хешке погрозила шалунишке пальцем и, дождавшись пока мужчина скроется, сказала сыну, что этот человек иностранец, и бросок в него шишкой, похожей на гранату, может послужить причиной для войны между нашими государствами. А на следующий день в стране произошёл путч. И когда мы с женой, увидев по телевизору противостоящих боевой технике людей, стали рассуждать чуть ли не о конце света, малыш дёрнул маму за платье: «Это потому что я вчера шишку бросил?».

К счастью, конца света не произошло, но произошло нечто подобное с выходом моей комедии на экран. В залах не просто смеялись — гоготали, а чуть позже фильм переключался в подземные переходы, где на пиратских кассетах по-хозяйски разместились между голливудскими блокбастерами. Мало того, картина не раз демонстрировалась по телевизору, попав в обойму популярных отечественных комедий, и уже в эру интернета прочно обосновалась на многочисленных сайтах.

Феодосия оказалась провидицей, но не во всё. Распалась страна, лишив и меня, и жену родины. За чертой осталась моя тбилисская улочка, по которой я поднимался вверх на своих ещё неустойчивых ножках, вцепившись в руку бабушки; и за чертой осталась приазовская речка, обтекавшая скифский курган, на котором будущая Хешке плела веночки из диковинных цветов. Пограничные зоны, пусть и условные, да с неписаными таможенными правилами, образовались и в нашем городе. Если раньше жилые комплексы имели лишь адресное деление, то теперь они стали территориями самоопределившихся банд, названия которых автоматически привязались к числовым наименованиям этих комплексов: «двадцатидевятники», «тридцатники»... До «шестидесятников», к счастью, не дошло, иначе преступную группировку могли бы спутать с поколением физиков и лириков.

Вернувшись из Одессы, я впал в депрессию, но причина её крылась не в метаморфозе со страной, а в полной бесперспективности собственной жизни. Фильм, выношенный с детства, был снят, мечта осуществилась, а делать картины, подобные одесской, не позволяла совесть, да и где? Киностудии обанкротились и впали в летаргический сон.

Лишившись цели, а заодно и смысла существования, пришёл к выводу, что мечта должна оставаться недостижимой, быть миражом, факелом, светом в конце тоннеля, а я поспешил, вышел из тоннеля до срока, и увидел, что желанный свет заливает пустоту.

По инерции забирал сына из садика, дежурным поцелуем встречал по вечерам жену, работавшую во дворце культуры; вполуха слушал по телефону дочь, поступившую в театральный вуз после окончания школы экстерном.

Сомнамбулический сон прервала встряхнувшая страну шоковая терапия, которая вмиг обеднив народ, обесценила и мой лежавший на сберкнижке гонорар. Мне оставалось либо умереть, либо идти работать.

Подумал о родном кузнечном заводе, и не столько о нём, сколько о ребятах из своей бывшей бригады, с которыми съел не один пуд соли. Встретили бы с радостью,

но узнав, что я пришёл не в гости, онемели бы. С чего это вдруг состоявшийся режиссёр решил вернуться в электромонтёры? Отделался бы шуткой, зачем кому-то знать, что режиссёр, выплеснув на экран всю свою накопленную с детства боль, оказался полностью опустошённым, тем более, что ребята всегда видели перед собой неутомимого весельчака, непревзойдённого выдумщика и готового на всё заводицу. Они не ошибались. Как ни странно, я находил в себе два абсолютно разных начала. Первое, прочертив путь к цели, исключало какие бы то ни было соблазны; второе, наоборот, познав земные радости, желало вечного праздника. Но что поразительно, оба этих начала оставались бессильными перед чувством ответственности, теснившим во мне все другие чувства. Когда родилась дочь и возникла острая необходимость в собственном жилье, которое нигде нельзя было получить, кроме как на развернувшейся в степи стройке века, я немедленно оказался там, отложив в долгий ящик и мечту о фильме, и огонёк от свечи, каждый раз волшебным образом игравший на сахарном ободке бокала, из которого, вертя в пальцах соломинку, я любил потягивать коктейль, беседуя с друзьями обо всём и ни о чём под тихо звучащий блюз.

По существу моя жизнь начиналась с нуля.

Осознание этого пришло сразу же по прилёту, когда я вместо привычного здания аэропорта увидел прилепившийся к краю заснеженного поля домик и, войдя в него, обнаружил в заледенелых стенах предельно скученных людей, которые со своими потёртыми чемоданами, сумками и рюкзаками походили на беженцев, навсегда оставивших свои жилища.

Не желая тесниться, вышел наружу и, пройдясь взад вперёд, двинулся к остановке, хотя слышал, что автобус придет нескоро. А в обложенном тучами небе не прекращался гул самолётов, которые, вынырнув из серой завесы, приземлялись у чёрта на куличках, и шагая издали очередная партия переселенцев так растягивалась по вычищенной ветром белизне, что казалась цепочкой муравьёв, направлявшихся к забытой на белой скатерти сдобе. Пришло в голову, что среди сплошных тёмно-серых одежд мой ультрамариновый «вранглер» делает меня белой вороной.

Для некурящих время движется медленней, а я был некурящим. Внезапно услышал за спиной смешок и, обернувшись, увидел парня, отогревавшего своим дыханием замёрзшие пальчики девушки. Вдруг эта обыденная сценка словно выбила из моих мозгов пробку, и я неожиданно представил, что нахожусь не в забытом богом уголке, а на какой-нибудь далёкой космической станции, куда прибывают не просто земляне, а самые отважные из них, решившие на этой чужой, обдуваемой ледяными ветрами планете построить город, и тем самым сделать первый шаг к завоеванию человечеством вселенной. Непроизвольно и сам ощутил в себе горделивое состояние первопроходца, которое не ослабло и на пути в город, хотя и автобус был переполнен, и мотор испускал бензиновые пары. А уже на автостанции, когда я пересел на трамвай, и он помчался по бескрайнему полю вдоль огромных котлованов и сверкавших сваркой гигантских корпусов, почувствовал себя ещё и библейским вавилонянином, заморожено глазеющим на возводимую до небес башню. Спohватившись, осознал, что сравнение с башней неуместно и, вернувшись к реальности, нащупал в кармане паспорт с выпиской из родного дома, где в малюсенькой квартирке моих родителей-учителей ютилась Хешке с годовалой дочкой. Ради них я готов был вгрызаться в землю, месить сапогами грязь и даже пробивать головой стену. Однако больше пришлось летать, ибо после первого же знакомства с заводом у меня за спиной будто выросли крылья.

Сразу же впечатлило пространство: гигантские станины кузнечных прессов отстреливали сотнями лучиков, рождённых световыми потоками, щедро лившимися

через прозрачную крышу нескончаемого корпуса; и не могли не заворожить зеркальные панели электронных блоков, вставленных в виде ящичков в железные шкафы, которые секциями выстроились вдоль всей линии прессов, и хотя на второй половине широченного корпуса ещё заливались фундаментом, невольно сравнил это великолепие со своим первым в жизни цехом, где я, сбежав на завод от школьной муштры после восьмого класса, сверлил детали на станках, пригодных только для сдачи в металлолом. Но что удивительно, меня нисколько не угнетали ни эти станки времён сталинской индустриализации, ни низкие потолки с задымлённым пространством, ни голые стены с замасленными окнами, ни земляной пол с вдавленными в него стружками, ибо я полагал, что производство таким быть и должно. Картина не изменилась и до моего призыва в армию, которую я вспомнил, как только увидел шкафы с электронными блоками. Подобную технику, считавшуюся секретной, я обслуживал, проходя службу в специальном полку связи. Подумал, а почему бы и здесь, благодаря своему опыту да диплому радиоинженера, не заниматься тем же. Вовремя подумал. Оказалось, что таких специалистов кот наплакал, и хотя меня направляли работать станочником, в трудовой книжке появилась запись «электромонтёр по ремонту и обслуживанию электрооборудования». Однако это оборудование требовалось ещё запустить, и мы, зарывшись с головой в электрические шкафы, не вылезали из них до самой сдачи первой очереди завода. Мы — это похожие на меня ребята, начавшие новую жизнь в переполненных общежитиях, но верившие, что обязательно построят свой собственный дом и обязательно посадят возле него дерево. А пока они тосковали по уже рождённым сыновьям. И я тосковал по своей доченьке.

Каким теперь бесконечно далёким казался мне прощальный вечер с друзьями, которые никак не могли поверить, что я уезжаю надолго и, быть может, навсегда. Мы называли себя скитальцами в поисках истины, называли ещё со времени проживания в студенческом общежитии, и разговор наш чаще всего начинался с обсуждения какой-нибудь новинки, будь то кино, проза или поэзия. В тот последний вечер нас зацепил сценарий Андрея Тарковского «Гофманиана» о писателе и композиторе Эрнесте Теодоре Амадее Гофмане, и больше всего — тост главного героя о конвульсиях человеческой души, но сейчас меня охватывал ужас от финала, где умиралый сказочник силился вспомнить лицо своей юной возлюбленной, которое исчезало для него навсегда, и в этой юной девушке я видел свою жену — любимую, желанную и недосыгаемую.

Письма от Хешке, казалось, шли вечность. Читал их со слезами на глазах и всё повторял про себя: девочка моя, девочка моя, девочка моя...

Что творила разлука! Такой муки ещё не испытывал. Иногда хотелось послать всё к чёрту и мчаться домой к своей девочке. Как сумасшедший бросался к двери, но каждый раз падал от нокаутующего кулака разума, который сам же и приводил меня в чувство, шлёпая мокрым полотенцем по щекам — ты не должен сдаваться, не должен, ты не слабак.

Производительность линии прессов приближалась к проектной мощности, и я стал подумывать, как использовать накопившиеся отгулы. Внезапно пришла авантюрная мысль — а не слетать ли домой и не забрать ли Хешке к себе, оставив дочь у родителей?

Загоревшись этой идеей, решил заранее подыскать для своей танцовщицы место хореографа — не идти же ей в отделочницы. Первым делом отправился в недавно построенный дворец культуры и в просторном фойе с летним садом и журчащими фонтанчиками сразу же увидел красочно оформленный стенд с расписанием работы

творческих коллективов. Ознакомившись с длинным списком, понял, что с танцами здесь полный порядок. Это же подтвердил и художественный руководитель дворца, но я, цепляясь за соломинку, стал быстро перечислять достоинства Хешке и так разошёлся, что вознёс свою танцовщицу до небес. Худрук, расплывшись в улыбке, дружелюбно сказал: «Ладно, когда жена приедет, приходите». Не стесняясь, потёр друг о друга ладони и, выскочив в коридор, пошёл танцующей походкой вдоль игравших искорками шероховатых стен и волшебным отражавших люминесцентный свет отполированных дверей. На одной из них заметил альбомный лист. Подойдя ближе, прочёл: «Не стучать, входить сразу». Не мог не оценить сдобренный юмором призыв и, приоткрыв дверь, увидел за круглым столом молодых людей и декламировавшую стихи девушку. Внезапно поймал на себе острый взгляд сидевшего у окна парня в расстёгнутом чёрном кожаном пиджаке, под которым туго облегалась грудь такого же цвета нейлоновая водолазка. Неожиданно вспомнил, что это волевое лицо занимало четверть страницы местной газеты, которая рассказывала о режиссёре молодёжного театра, гремевшего по всей стройке. Подумал, почему бы не познакомиться с неординарной личностью и, переступив порог, направился к свободному стулу, а когда меня спросили, пишу ли я стихи, и я ответил, что умею только рифмовать, и до приезда сюда снимал короткометражные фильмы, режиссёр ещё более пристально посмотрел на меня, а в конце вечера подошёл и, представившись, предложил поехать с ним в его театр-студию. Лучшего продолжения я не видел и, согласно кивнув, последовал за режиссёром, а у двери мы, словно сговорившись, разыграли сценку из «Мёртвых душ», когда Манилов и Чичиков уступали друг другу дорогу.

Режиссёр был одержим желанием создать собственный театр и, сунув в рюкзак сапоги, а в карман ветровки диплом института культуры, в первых же рядах примчался на стройку, чтобы лично заложить фундамент под свою мечту. Фундамент закладывать не пришлось, ибо руководство завода, само заинтересованное в достойном досуге для молодых горожан, тут же выделило энтузиасту целый этаж общежития, который в кратчайший срок был перестроен под театр, и теперь, оказавшись в нём, я увидел оригинально оформленное фойе, уютный зрительный зал с чёрным сценическим карманом, костюмерные, артистические, мастерские и, наконец, кабинет хозяйина, где помимо стола, стульев, дивана и шкафа возвышались стеллажи с книгами.

С первых же минут знакомства нам обоим стало ясно, что мы одной крови. А когда я посмотрел поставленные режиссёром спектакли, побывал на его репетициях, да распил с ним не одну бутылку спиртного, мне вдруг пришла в голову мысль, что этот боевитый молодой человек идеально подходит на роль главного героя в моём пока ещё воображаемом фильме.

И друг мой Колька, так звали режиссёра, сыграл эту роль. На обсуждении картины в Доме кино его даже спросили, не из Голливуда ли он. Николай ответил скромно: «Нет, из самодеятельного театра». Увы, окружённый корреспондентами герой и подумать не мог, что совсем скоро его детище, отвесив прощальный поклон, уйдёт со сцены без цветов и аплодисментов, но с долгами за электричество, а дававший ему зелёный свет автозавод сам будет обесточен отпущенными на свободу ценами, и чтобы совсем не потерять театр, режиссёр предоставит опустевшие площади успешным участникам игры «купи-продай», которая в одночасье станет всенародной. Правда, не для всех. Ни я, ни жена коммерческой жилкой не обладали, подтверждением чему служил пример из недавних советских времён. Подаренные Хешке импортные сапожки оказались ей велики, и мы, решив продать их, отправились

на вещевой рынок, но по причине обоюдной стеснительности даже не расстегнули сумку. Именно стеснительность была клеймом нашей непригодности к коммерции. Подумать только, не сумели продать дефицит, который оторвали бы с руками.

Теперь дефицита не стало, но не стало и денег, и в тот момент, когда я раздумывал о возвращении на кузнечный завод, внезапно зазвонил молчаливый целую вечность телефон.

Сняв трубку, я услышал голос начальницы родного мне пионерского лагеря, правда, теперь уже не пионерского, а оздоровительного и не родного, а находившегося на чужом берегу. Начальница, дежурно поговорив о жизни, спросила о планах на лето, и я ответил, что ни у меня, ни у жены особых планов нет, и тогда она сказала, что приглашает нас в лагерь всей семьёй, и, как в старые добрые времена, нашему режиссёрско-танцевальному тандему придётся совмещать отдых с работой. Хешке дома не было, но я, уверенный в её согласии, не стал оттягивать с решением и сказал, что мы готовы приехать. Столь скорый ответ обрадовал начальницу, и она объяснила, с какой целью приглашает именно нас. Большинство путёвок, очень даже недешёвых, приобрела зарубежная фирма, а чтобы путёвки были куплены и в следующем году, иностранным детям необходимо будет увезти с собой массу впечатлений. Я выпалил, что по-другому и быть не должно, и напомнил начальнице про те же старые добрые времена, когда она сама видела, с каким настроением покидали лагерь и вьетнамские дети, и немецкие, и особенно дети из Польши, которых папы-чиновники наскоро отправляли за тридевять земель от тлетворного влияния Лехи Валенсы и его «Солидарности». Начальница весело сказала, что это были цветочки, а вот теперь будут ягодки, так как иностранные дети приедут в украинский лагерь ни откуда-нибудь, а из России. Не мог не рассмеяться и, пожелав начальнице удачи, попрощался. Только я положил трубку, как вновь услышал звонок, но уже в дверь.

С горящими глазами в квартиру ворвался куда-то запропастившийся Коля-Николай и выпалил, что человек, который арендует у него помещения, прочитал мой сценарий и даёт деньги на его экранизацию, причём хочет, чтобы фильм снимал именно я.

Сразу вспомнил Феодосию с её предложением о съёмке комедии, и вспомнил, что ещё во время своей учёбы в институте кинематографии принёс Николаю машинописную копию своего сценария, которая пошла по рукам и ко мне не вернулась. а написан был донельзя закрученный детектив со стрельбой и взрывами.

Усмехнувшись, я сказал, что заказчик вряд ли себе представляет, в какую сумму выльется ему этот фильм, требующий и профессиональной студии, и профессиональных актёров. Коля протестующее замотал головой и объяснил, что, во-первых, заказчик даёт деньги только с тем условием, что ему достанется роль главы мафии, так как он с детства мечтал быть артистом, во-вторых, его устроит фильм, снятый на видео, ибо кинотеатры приказали долго жить, и, в-третьих, он готов взять на себя всю организационную часть. Продолжая улыбаться, я похлопал Николая по плечу и сказал, что желаю заказчику удачи, но сам в этой аванюре принимать участия не буду. Коля выпалил, что я полный идиот, нельзя отказываться от таких денег, и вдруг, резко изменив тон, спросил, какая сумма может потребоваться, если фильм всё же снимать на видео. Желая похоронить эту бредовую идею, назвал фантастическую сумму, отчего энергичный переговорщик приуныл и, потоптавшись, направился к двери. Внезапно обернулся: «Это с учётом режиссёрского гонорара?». Я засмеялся: «Нет, гонорар режиссёра потянет на квартиру». Коля кивнул и исчез. А на следующий день, когда мы с Хешке, перебирая вещи, решали, что будем брать

с собой в лагерь, в дверь позвонили, и сын, ожидавший друзей, побежал открывать. Замок щёлкнул, и до меня донеслось: «Папа, это к тебе». Выскочив в коридор, я увидел двух бугаёв, которые, переступив порог, опустили на пол огромную сумку и, не сказав ни слова, вернулись в подъезд. Крикнул им: «Вы кто?!». Ответом послужила захлопнувшаяся дверь. Шагнув к сумке и приоткрыв её, я обомлел от денежных пачек и сразу же понял, от кого они. Прямо в шлёпанцах кинулся за непрошенными визитёрами, но выбежав из подъезда, увидел лишь удаляющуюся иномарку. Возвратившись в квартиру, поспешил к телефону и, нервно сняв трубку, набрал номер театра. В ответ услышал длинные гудки. Встав, поплёлся в коридор. Затащил сумку в зал и поставил её у раскрытого чемодана с набросанной в него одеждой. Вдруг схватил попавшиеся мне на глаза ласты и стал ими хлопать. Подошла жена и, приложив ладонь к моему лбу, сказала, что я вот-вот потеряю сознание, а ей хотелось бы узнать, что случилось. Отбросив ласты, быстро пересказал Хешке наш разговор с Николаем и закончил выводом, что режиссёр погорелого театра обвёл меня вокруг пальца. Жена, подумав, ответила, что ничего страшного не произошло, в лагерь она поедет одна, а после сессии к ней присоединится дочь и спокойно её подменит. Не ожидая такого поворота, я возмущённо спросил, не шутит ли она, а если не шутит, то должна понимать, что только сумасшедший может взяться снимать фильм на голом месте. Хешке, не меняя голоса, сказала, что я никогда другим и не был. Обозлившись, подскочил к сумке и демонстративно застегнул её. Жена пожала плечами, мол, как знаешь. Неожиданно подал голос сын: «Папа, неужели ты вернёшь эти деньги?!». Я опешил. Выпавший из моего поля зрения мальчик смотрел на меня встревоженными глазками, и мне вдруг стало ясно, что ни один из моих доводов не будет для ребёнка убедительным...

Ничего не сказав, отправился на кухню варить кофе. Достал джезву, набрал в неё воды, поставил на огонь.

Услышал голос Хешке: «Ласты будешь брать в лагерь?». Крикнул, что не возьму ничего, так как всё своё ношу с собой. Сын тут же разгадал мой философский посыл и влетел на кухню с возгласом: «Купишь мне «Денди»?». Ответил: «Куплю». Мальчик не успокоился: «Только японской сборки». Я кивнул: «Конечно, японской». С криком «ура» сын убежал.

Отпивая из чашки кофе, корил себя за вчерашний сумбур, и вообще за всю свою жизненную неразбериху. Корил в тысячный раз, хотя прекрасно понимал, что причиной всему являлся конфликт между моим чувством ответственности перед семьёй и желанием оставаться самим собой.

